

Китайские религиозно-этические учения в понимании российской общественности конца XIX – начала XX вв.

В конце XIX – начале XX вв. в российском обществе актуализировался вопрос о месте и миссии России в дихотомии «Запад – Восток». Разыгрывались продолжительные, бурные дебаты между представителями различных подходов. Эти дискуссии, бесспорно, порождали и новый виток интереса к Востоку, в первую очередь к соседнему Китаю. Несомненно, справедливы слова историка А. В. Лукина о том, что «критический взгляд на Китай был распространен на протяжении всего XIX в.» [4; 126]. Такой взгляд был основан на поверхностных наблюдениях, неверной интерпретации культурных, поведенческих черт китайцев [8]. Кроме того, оценки исследователей складывались в рамках православного сознания и социокультурного опыта русского народа. Определённую роль здесь сыграла и петровская европеизация России, вследствие чего некоторые негативные европейские оценки Востока были перенесены на русскую почву.

В конце XIX в. появляются и точки зрения о возможном или даже необходимом сближении России со странами Востока, в особенности с Китаем. Возникают положительные отзывы о духовной культуре китайцев. Происходило это как в результате осознания культурного упадка Европы, так и благодаря активному освоению дальневосточного региона и поражению в Крымской войне, обусловившему необходимость обращения к Азии для реализации русской цивилизаторской миссии.

Рассмотрим вариации точек зрения русских мыслителей конца XIX – начала XX вв. на этические нормы и религиозность Китая. Н. Я. Данилевский и В. С. Соловьёв оценивали китайскую культуру как неразвивающуюся и застывшую. Данилевский писал: «Китай представляет именно такой редкий случай, как те старики, про которых говорят, что они чужой век заживают, что смерть их забыла», Китай «дальше подготовительного периода не продвинулся». Главное преимущество Европы, по Данилевскому, заключается

---

* *Алена Евгеньевна Потехина* – студентка исторического факультета Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

в «сверхъестественном даре христианства», который способствовал прогрессу как в науке, так и в мировоззрении. Отрицательным моментом в развитии Китая является его «уединенный характер», в результате чего не происходило взаимопроникновения культуры китайской и западной. Тем не менее Данилевский считает, что Китай является показательной страной в плане возможности существования цивилизации, отличной от европейской и в рамках своей закрытости способной на прогресс. Ученый высоко оценивает достижения Китая в области этики и философии [1].

К. Н. Леонтьев, В. В. Розанов, Э. Э. Ухтомский, Э. В. Эриксон, А. Н. Краснов проделали большую работу в исследовании культурных особенностей Китая. Краснов, будучи по образованию ботаником, писал труды и на историческую тематику («Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного путешествия»). Большое внимание ученые уделяли религиозности китайской цивилизации. Они считали, что обращение России к Китаю может спасти её от культурного упадка, ясно высветившегося в Европе в конце XIX в. Эти ученые более мягко и взвешенно оценивают особенности философии, этики Китая.

Перед исследователями религиозные традиции китайцев представляли в синкретизме трех учений: буддизма, даосизма и конфуцианства. Выделение разницы между последними представляло естественную сложность. Э. В. Эриксон искренне восхищается особенностями культа предков и императивом «сыновьей почтительности», свойственными китайской цивилизации: «Царем в доме является отец. Он отвечает за всех <...> зато и почитают его члены семьи как нигде. <...> Ни в одном государстве не встретишь такого огромного количества физически и психически крепких дедов и прадедов» [8]. По словам Э. Э. Ухтомского, «воля предков руководила действиями благоговевшего потомства, которое само по себе и не хотело и не решалось жить без сознания, чему учит прошлое. Культ усопших тем успешнее мог процветать в Китае, что нигде отцы и матери так не уважались детьми, как здесь» [7; 63]. Ученый замечает, что именно культ предков выработал в китайцах качество трудолюбия.

Э. В. Эриксона поражают некоторые особенности религиозных ритуалов, традиций китайцев. Ему непонятно желание китайцев взять за собой гроб при путешествии в другую страну. Необычным, даже странным, с точки зрения христианина, кажется желание замирить души неуспокоившихся предков с помощью жертвоприношений. Он пишет: «Естественно, что в такой стране диких суеверий колдуны и гадалышки находят себе широкую арену деятельности» [8].

А. Н. Краснов высоко оценивает учение Лао-Цзы, хотя называет его несколько «туманным учением». Лао-Цзы, пишет Краснов,

призывал к сохранению в каждом человеке качеств сострадания, бережливости и смирения, к следованию велению сердца, к управлению народом не насилием, а мудростью. Недостаток же китайцев в том, что они по-иному истолковали учение Лао-Цзы. «Они открыли в этом учении намеки на возможность найти бессмертие, они направили свою деятельность на отыскание философского камня. <...> Теперь последователи учения Лао-Цзы не преследуют даже этой цели. Это просто шарлатаны».

Буддистское учение вызывает у А. Н. Краснова неприятие: буддийский монах «не представляет идеала нравственной жизни»; «буддийский ад у китайцев картинностью описания и ужасами, ожидающими грешника не уступает средневековому представлению». Не привлекают его и изображения идолов в буддийских храмах: «презрительная улыбка идола Ми-Ле-Фу», идолы в виде «уродливых птиц» и т. д. [2; 396–412]. Конфуцианство же, как полагает Краснов, являлось единственным учением, которое заключало в себе понятия нравственности, было способно более других этических систем поддерживать жизнеспособность отдельного человека, семьи и государства в целом.

Присутствие в этических учениях китайцев черт фетишизма, анимализма, магии наталкивали российских ученых на мысль о том, что китайцы бессильны перед природными катаклизмами, и способствовали формированию суждений о том, что религиозные традиции китайского народа присущи скорее первобытности, нежели цивилизации. Отсюда понятным становятся высказывания российских ученых о необходимости «цивилизовать» Китай, «меньшого товарища и брата» [7; 58]. Скептическое отношение российских ученых XIX – начала XX вв. по отношению к китайскому мировоззрению, желание помочь китайцам в преодолении «мифологичности» сознания сохраняется, несмотря на появление положительных оценок китайской этики. Так, Эриксон пишет: «Слепое преклонение перед тем, что создавалось в старину, затормозило в Китае творчество, сковало мысль, но не навеки. <...> Новшество, не связанное с прошлым, ныне делается все менее нетерпимым, жажда реформ и знакомства с успехами европейских культур охватила уже в Китае лучшие слои общества» [8].

Литература

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – URL: <http://www.vehi.net/danilevsky/rossiya> (дата обращения: 18.02.2014).
2. Краснов А. Н. Из Колыбели цивилизации. – СПб., 1898.
3. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. – URL: <http://knleontiev.narod.ru/texts/vizantizm.htm> (дата обращения: 18.02.2014).

4. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом: образ Китая в России в XVII–XX вв. – М., 2006.
5. Розанов В. В. Люди лунного света: Метафизика христианства. URL.: http://modernlib.ru/books/rozanov_v/lyudi_lunnogo_sveta/read (дата обращения: 18.02.2014).
6. Соловьев В. С. Китай и Европа. – URL.: <http://www.rodon.org/svs/kie.htm> (дата обращения: 18.02.2014).
7. Ухтомский Э. Э. К событиям в Китае: об особенностях отношения Запада и России к Востоку. – СПб., 1900.
8. Эриксон Э. В. Китайцы как самостоятельная раса. – URL: http://az.lib.ru/e/erikson_e_w/text_1905_kitaytzy_oldorfo.shtml (дата обращения: 18.02.2014).